

Анна Политковская

ВТОРАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ

Предисловие

Кто я такая? И почему пишу о второй чеченской войне?

Я журналистка. Работаю спецкором столичной «Новой газеты», и это единственная причина, почему я увидела войну, — меня послали её освещать. Но не потому, что я — военный корреспондент и хорошо знаю этот предмет. Наоборот: потому, что сугубо гражданский человек. Идея главного редактора была проста: именно мне, сугубо гражданскому человеку, куда понятнее переживания других сугубо гражданских людей — жителей чеченских сел и городов, на головы которых свалилась война.

Вот и все.

Поэтому езжу в Чечню каждый месяц, начиная с июля 1999 года (с событий так называемого «рейда Басаева на Дагестан», спровоцировавшего потоки беженцев из горных сел и всю последующую вторую чеченскую). Естественно, исходила всю Чечню вдоль и поперек. Видела много горя. Главное из которого — то, что многие мои герои, о которых писала за эти два с половиной года, — теперь мертвы. Такая страшная война случилась...

Средневековая.

Даром что на стыке 20-го и 21-го веков и в Европе.

МАХКЕТИНСКИЙ КОНЦЛАГЕРЬ С КОММЕРЧЕСКИМ УКЛОНОМ

Мне принесли коллективное письмо 90 семей, проживающих в нескольких селениях Веденского района — Махкеты, Тоезени, Сельментаузен, Хоттуни. Несколько сотен человек умоляли содействовать их скорейшему перевозу за пределы Чечни. Причины: постоянный голод, нестерпимый холод, отсутствие врачей, какой-либо связи с миром. И особой статьей — жестокие карательные акции, совершаемые военнослужащими, расквартированными на окраине селения Хоттуни. Факты казались фантастичными. Командировка началась 18 февраля 2001 года.

Десятки жутких рассказов, измученные лица людей, испытавших на себе пытки и изощренные издевательства военных, когда от ужаса того, что тебе надо записывать, останавливается рука, фиксирующая всё в блокноте.. И вдруг — те же самые рассказы, но только уже с тобой. Ожившие картинки в доказательство услышанного. И это уже тебе орут: «Стоять! Вперед!» И фээсбэшник в сопливом возрасте старшего лейтенанта уже тебе — а не твоему недавнему рассказчику, — улыбаясь гадливым ртом своих профессиональных предков из 37-го года, шепчет:

«Боевичка... Ты пришла от Басаева... Расстрелять тебя мало... Слишком много моргаешь, значит, врешь...»

Картинка первая: пытки током

Розита из селения Товзени еле шевелит губами. Глаза ее, как бы преодолев естественное предназначение, остановились и глядят куда-то внутрь. Розите пока трудно ходить — болят ноги и почки. Месяц назад Розите пришлось пройти через фильтрационный лагерь — она так это называет. За то, что «приютила в доме боевиков». Именно так ей кричали военные.

Розите уже немало лет. У нее много детей и несколько внуков. Младшая, трехлетняя, ранее не говорившая по-русски, но видевшая, как волокли по полу ее бабушку, теперь постоянно кричит: «Ложись! На пол!» Розиту забрали из дома на рассвете, когда все спали, окружив дом и не дав толком собраться. И бросили в яму на территории военной части.

— Толкали? Пинали?

— Да, как обычно у нас.

Поджав ноги, Розита просидела в яме на земляном полу 12 суток. Солдат, который охранял яму, как-то ночью сжалился — бросил кусок паласа.

— Я подложила под себя. Солдат — он же человек, — шевелит губами Розита.

«Ее» яма была неглубокая. Метр двадцать, не больше. Без крыши, но распрямиться невозможно: сверху положены бревна. Так что 12 суток — на корточках или сидя на том паласе. И это зимой! За все это время Розите так и не предъявили никакого обвинения, хотя

трижды водили на допросы. Молодые офицеры, годящиеся ей в сыновья и представившиеся сотрудниками ФСБ, надевали Розите «детские варежки на резинке»: на пальцы одной руки — один конец оголенных проводов, на пальцы другой — их другой конец. А сами провода перекинуты через шею, сзади.

— Да, я очень кричала, когда ток пускали. Но все остальное вытерпела молча. Боялась еще больше их раздражить.

Фээсбэшники приговаривали: «Плохо танцуешь. Подбавить надо», — именуя «танцами» конвульсии Розити-ного тела. И подбавляли.

— А что они хотели?

— Они ничего не спрашивали.

Тем временем родственники Розиты через посредников получили от тех же офицеров задание: искать деньги на выкуп. Им объяснили: надо спешить — Розита плохо переносит яму, может не выдержать. Сначала военные

запросили сумму, о которой сельчане (деньги на выкуп тут теперь принято собирать всем миром) сказали так: даже если продать все село, все равно не расплатиться. Военные, на удивление, оказались сговорчивыми и снизили сумму в десяток раз. Деньги привезли, и Розита, еле переставляя ноги, грязная и немытая, вышла на свободу, к полковому КПП. И упала на руки детям.

Самое время подвести промежуточную черту: на территории военной части, расположенной на окраине селения Хоттуни Веденского района, где дислоцируются 45-й воздушно-десантный и 119-й парашютно-десантный полки Министерства обороны, а также подразделения МВД, Минюста и ФСБ, существует концентрационный лагерь. С коммерческим уклоном.

Картинка вторая: воспитатель хрюшек

Командир 45-го полка Алексей Романов — очень интересный и волевой человек. Полковник прошел Афганистан и «первую» Чечню. Как большинство офицеров, воюющих на «второй», он костерит войну, думает вслух о своих детях, вечно растущих безотцовщиной, и готов закончить «вторую чеченскую» сразу — она ему надоела нешуточно. Ну а пока, в конце февраля 2001 года, накануне Дня защитника Отечества, мы гуляем по полку. Командир показывает столовую — вполне симпатичную для полевых условий. Ведет на склад, забитый тушенкой и всякой прочей снедью, что, по его мнению, полностью исключает стремление вверенных ему военнослужащих воровать у жителей скот.

Так и добираемся до главного — командир показывает ямы, куда после «зачисток» швыряют чеченцев. Полковник заботлив: он придерживает под локоток, чтобы я не свалилась по грязи на шестиметровую глубину. Яма выглядит точно так, как ее описывали многочисленные сидевшие в ней люди. Примерно три на три метра, в неразличимую преисподнюю вьется веревка — по ней положено выбираться на допросы. Несмотря на мороз, от ямы несет специфически. Тут так заведено: чеченцы должны опрavlяться себе под ноги. И продолжать круглосуточно стоять на той же земле. Хочешь — сидеть.

Полковник рассказывает удивительные вещи: как-то прилетел в полк на проверку сам командующий группировкой генерал Баранов, увидел стоявших на поле задержанных чеченцев и приказал держать их в ямах, первоначально вырытых под бытовой мусор. С тех пор так и повелось. Ему очень неловко за все происходящее:

— Но мы туда только боевиков сажаем.

— А зачем тогда выпускаете? Если боевики? Полковник выдавливает:

— Ты же сама все понимаешь... Я лично не понимаю.

Картинка третья: ожидание ареста

Крепкий 50-летний горец Ваха из селения Товзени — сейчас общественник, а ранее работал в органах госбезопасности и также учителем местной школы. Теперь он на добровольных началах собирает сведения о зверствах российских войск и поэтому ждет ареста и своей «ямы» каждую ночь.

Ваха знает ответ на вопрос, не полученный у полковника. И рассказывает любопытнейшие истории о кратковременном пребывании в их селе Басаева с его бригадой. Как все жители тогда надеялись, что Басаева наконец-то обязательно арестуют. Басаев был истощен, как и все его бойцы, и надо было только захотеть... Но войска, до того стоявшие плотным кольцом вокруг села, неожиданно отвели прочь — ровно на время пребывания Басаева.

И он ушел. Хотите — верьте, хотите — нет... Но зато, как только бандиты ушли дальше в горы, военные стали хватать и истязать тех сельчан, которые не имели никакого отношения к

бандформированиям, оставляя на свободе тех, кто действительно замешан в крови... В селе-то ведь всё про всех знают.

Картинка четвертая: красивые попки

Иса живет в Сельментаузене. В начале февраля он также попал в концлагерь на окраине Хоттуни. Об его тело тушили сигареты, ему рвали ногти, его били по почкам наполненными водой бутылками из-под пепси. Потом скинули в яму, именуемую «ванной». Она была заполнена водой (зима, между прочим), и вслед сбрасываемым туда чеченцам швыряли дымовые шашки.

Их было шестеро в яме. Не всем удалось выжить. Офицеры в младших чинах, проводившие коллективные допросы, говорили чеченцам, что у них красивые попки, и насиловали их. При этом добавляли, что это потому, что «ваши бабы с нами не хотят». Выжившие чеченцы сейчас говорят, что мстить за «красивые попки» — дело всей их оставшейся жизни.

Иса тоже так и не оправился от шока — это заметно. Как и Розиту, его отпустили за выкуп, который собирал весь Сельментаузен. Но сначала вволю поиздевались еще и над родственниками, собравшимися у КПП полка в надежде выяснить судьбу своих, уведенных в яму.

Конвейер мародерства и рэкета под маркой «выявления бандитов» — в Чечне бесперебойный. И значит, пора подводить следующую промежуточную черту: вторая война лишь поменяла исполнителей творимых тут преступлений. То, против чего была объявлена «антитеррористическая операция», — оголтелое заложничество, рабство и выкупы за живой товар — все это теперь делают нынешние хозяева положения, военные, силой оружия, физического и психического насилия. Мы сидим в единственной крохотной комнатке Исы, где только нары и печка — семья очень бедная. Четырехлетняя дочка Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. Жена Исы объясняет:

— Она видит, что вы — не наша, той же масти, как те, которые при ней били отца. И увели его.

Картинка пятая: проверено на себе

Прошло всего две минуты после того, как мы расстались с командиром 45-го десантного полка, и меня задержали.

Сначала больше часа велели стоять прямо посреди разъезженного поля. Потом прикатила бронированная машина с вооруженными бойцами и старшим лейтенантом неизвестной военной этиологии. Схватили, пхнули прикладами, повезли. «Документы у тебя фальшивые, твой Ястржембский — прихвостень Басаева, а ты — боевичка», — так было объявлено.

Дальше потянулись многочасовые допросы. Молодые офицеры, сменяя друг друга, не представляясь, лишь вкрадчиво напоминая, что они из ФСБ и командир им только Путин, обернули дело так, что свобода закончилась: звонить и ходить нельзя, вещи — на стол... Самые омерзительные детали допросов предпочитаю опускать — ввиду их полного неприличия. Однако именно эти детали стали главным подтверждением того, что все сообщенное о мучениях и пытках в 45-м полку — не ложь.

Периодически к рьяным молодым подключался старшой — подполковник со смуглым лицом и темными туповатыми глазами навывате. Он отсылал молодняк из палатки, включал музыку, которую считал лирической, и намекал на «благополучный исход» мероприятия при некоторой сговорчивости.

В перерывах между подполковником «молодые» издевались, умело надавливая на самые болевые точки: рассматривали фотографии моих детей, не забывали сказать, что бы с ними стоило сотворить... Так часа три кряду.

Наконец бывалый подполковник, периодически рвавший рубаху на груди — мол, кровь тут проливаю, — сказал, деловито глянув на часы: «Пойдем. Буду тебя расстреливать».

Вывел из палатки, а была уже полная темень. Ни зги в этих местах. Прошли немного, и подполковник произ-

нес: «Кто не спрятался — я не виноват». И тут рядом все запылало прерывистым огнем, заскрежетало, страшно загремело и заухало. Подполковнику очень понравилось, что я в ужасе присел. Оказалось, это он подвел меня прямо под реактивную установку «Град» в момент боевого залпа. «Ну, пошли дальше».

Скоро из тьмы показались ступеньки вниз. «Это баня. Раздевайся». Поняв же, что эффекта никакого, очень разозлился, твердя, что «настоящий подполковник к тебе всей душой, а ты, гнида боевицкая, еще...»

В баню вошел еще один офицер — из ФСБ, он сам так представился. Подполковник подвел черту: «Мыться не желает». Фээсбэшник брякнул на стол принесенные бутылки и сказал: «Ну тогда я ее повел». И снова долго водили по темному лагерю. Наконец велел спускаться по лестнице — это был бункер, ставший мне прибежищем до самого освобождения 22 февраля. На стене бункера висел плакат: «119-й парашютно-десантный полк». И объяснения: 18 его военнослужащих удостоены звания Героя России.

Откуда-то принесли чай. Отхлебнула — и тут же поплыла голова, ноги стали ватными, и пришлось проситься за дверь — сильно рвало. В туалет?.. Можно, но в сопровождении. «Жучки с тела пойдешь в туалете сбрасывать», — так объяснили.

Требовала: предъявите наконец обвинение, составьте протокол, этапируйте в тюрьму, родные принесут хотя бы зубную щетку... Нельзя! Боевичка! Ты ямы смотреть? Гнида! Гадина! Ястржембскому заплатил за тебя Басаев, Ястржембский заплатил твоему главному редактору, и главный редактор послал тебя сюда...

Утром 22 февраля в бункер вошел офицер и сказал, что он — мой сопровождающий до Ханкалы и у него все мои документы и вещи, которые «сдадут в ФСБ». У вертолета стоял тот самый подполковник, попрощавшийся так: «Расстрелял бы тебя, будь моя воля».

Когда машина села в Ханкале, прямо у люка налетели какие-то военные и стали меня отбивать у сопровождающего. Офицеры оказались сотрудниками военной прокуратуры Грозного, за что я им крайне признательна, иначе сидеть бы мне опять под присмотром очередного фээсбэшного офицера, подорвавшего психическое здоровье на «антитеррористической операции». В прокуратуре дала все объяснения, сопровождающий также был допрошен, и оказалось, что в полку у меня украли всё, кроме аккредитационного удостоверения № 1258. У сопровождающего ничего при себе нет. Ни вещей, ни диктофонных кассет, ни фотопленки.

СПЕЦОПЕРАЦИЯ «ЗЯЗИКОВ»

Война, когда в ней столько заинтересованных, становится живым организмом. А значит, обязательно вырастает из своих штанишек.

Так Чечня потребовала соседней Ингушетии, для чего Кремль привел там к власти того, кто эту войну способен допустить.

Десятый год подряд Ингушетия — прифронтовая полоса. И вот, прифронтовая потихоньку становится фронтовой. Процесс превращения гражданского мира в гражданскую войну называется «президентскими выборами» в стране «управляемой демократии» — идет борьба за место Руслана Аушева, зимой 2002 года ушедшего с поста главы республики «по собственному желанию». Второй тур был 28 апреля. 7 апреля в него вышли Алихан Амирханов, депутат Госдумы, и Мурат Зязиков, генерал ФСБ и первый заместитель полномочного представителя президента в Южном федеральном округе (ЮФО). Вот как выбирали Зязикова.

Изнасилованный суд

На Хасана Яндиева, судью Верховного суда Ингушетии, трудно смотреть — у него лицо добитого человека. Истерзанное, бледное, как из-под пыток. В глазах — пустота тупика, будто похоронил семью. За плечами у Хасана Ирагиевича — всеми уважаемая жизнь: десять лет судейского стажа, два года работы министром юстиции республики. И действительно, похороны: принципов и иллюзий относительно места судебной власти в стране. Без сомнения, Хасан Яндиев войдет в новейшую историю России как судья, на которого в апреле 2002 года

навалилась вся вертикальная теперь махина исполнительной власти и потребовала превращения судопроизводства в орган политического регулирования.

— Я не поверил, когда это услышал. Невероятно. Неправдоподобно... — скажет позже, стоя в коридорах Верховного суда Ингушетии, Генрих Падва, знаменитейший наш адвокат, которому есть с чем сравнивать: почти полвека практики, начиная, между прочим, с 1953 года.

В конце марта Хасану Яндиеву досталось дело о снятии с предвыборной гонки одного из главных претендентов на пост президента Ингушетии — Хамзата Гуцериева. И хотя все заседания по этому делу проходили под ожесточенным прессингом со стороны чиновников ЮФО, которые бесцеремонно проталкивали решение в пользу другого кандидата — генерала ФСБ Зязикова, и по коридорам суда шныряли господа с характерно неприметными лицами, и они же «проводжали» судью домой, и встречали его на пороге по утрам, — Хасан Ирагиевич относился к этому философски, поскольку всякое видел в жизни.

1 апреля, к концу дня, судья с двумя заседателями ушли в совещательную комнату — святая святых, куда нет доступа никому, — выносить решение.

3-го утром они были готовы его огласить. Около одиннадцати утра господа «зязиковцы» — из числа сотрудников полпредства ЮФО, вошли к судье в совещательную комнату, нарушив ее тайну, а вместе с тем Конституцию страны и целую вереницу законов (ответственность, между прочим, уголовная), вручили Яндиеву телеграмму из Верховного суда РФ, подписанную заместителем его председателя Ниной Сергеевой, в которой судье предписывалось отдать дело фельдъегерю, для перевозки в Москву, после чего председатель Верховного суда Ингушетии Даутхасан Албаков, сопровождаемый своим заместителем Азамат-Гиреем Чиниевым, собрал разложенные на столе листки дела и унес. Все. Вскоре информационная лента ИТАР-ТАСС отстучала сообщение: Верховный суд РФ рассмотрел дело и аннулировал регистрацию Хамзата Гуцериева в качестве кандидата в президенты.

Мне Хамзат Гуцериев — никто. Не брат, не сват, а просто человек-функция — министр внутренних дел Ингушетии самых лихих времен «антитеррористической операции на Северном Кавказе», действия которого, именно в качестве министра-силовика на ближайших подступах к Чечне, лично меня неоднократно крайне раздражали на протяжении двух с лишним лет. Однако мало ли кто кому не нравится? Закон есть закон. Зато для Путина Гуцериев — очень даже кто: брат олигарха, с которым идет битва. И это в современной России уже повод как для насилия над судом, творимого, между прочим, госслужащими, живущими на наши с вами деньги, так и для морального уничтожения судей, не желающих принимать условия антиконституционной игры.

Страх превыше всего

- Насколько существенно такое нарушение закона для выборов? — это вопрос Мусе Евлоеву, юристу республиканской избирательной комиссии.

- Такие выборы можно признать недействительными, — таков его ответ.

- Можно? Или обязаны?

Муса убирает глаза, такие же добитые, как у судьи. Юрист молчит — он хочет жить и работать. А для этого в сегодняшней Ингушетии лучше молчать и делать вид, что повинешься несущемуся на тебя катку — ЮФО, протаскивающему Зязикова, угодного Кремлю. Именно такими словами десятки и десятки людей объясняли, какова атмосфера в республике.

На календаре — 19 апреля, пятничный вечер. По коридорам Верховного суда Ингушетии туда-сюда бродят те же самые господа, сослуживцы Путина и Зязикова, они слушают, кто о чем говорит и спрашивает, что отвечает Муса Евлоев, кто за кого, а подслушав, спускаются лишь несколькими ступеньками вниз и кому-то все это

докладывают по мобильным телефонам. В докладах фиксируется все: кто на какой машине приехал, у кого водитель, кто пешком в суд пришел... Наглая фээсбэшная свистопляска — еще

накануне, из Москвы, по рассказам казавшаяся некоторым преувеличением воспаленного предвыборными страстями сознания.

Именно в такой обстановке мы ждем нового судебного заседания — о признании регистрации ряда кандидатов недействительной в связи с подкупом избирателей, и теперь «эстафету Яндиева» готовится принять судья Магомед Магомедович Доурбеков. Настроение, как перед боем. Доурбеков нервничает, но сдерживается, ему очень трудно... Он знает, что Хасан Яндиев после случившегося попал в реанимацию с тяжелейшим стрессом, с трудом теперь поправляется, хоть и ходит на работу. Он знает, что Яндиев написал заявление на имя Генерального прокурора России с требованием защитить закон, и это заявление, сделав круг над Москвой и будучи ей невыгодным, опустилось сюда же, в Ингушетию, и попало прямо к тем, кто должен отвечать за свои поступки в соответствии с уголовным законодательством. Он знает, что единственным результатом правдоискательства судьи Яндиева стало представление президенту Путину о досрочном прекращении его бессрочных полномочий...

Надо признать, в этот день судья Доурбеков выдюжил, несмотря на чудовищные порой требования, давление и даже оскорбления языковской стороны. Результаты первого тура голосования не были отменены. Однако кто даст гарантию спокойствия дня завтрашнего?

— Ну зачем они нас ломают через колено? — спрашивали люди. — Мы все равно не примем навязанного. Что бы ни случилось.

И тут же добавляли: «Не упоминайте мою фамилию». Следующий собеседник — и та же просьба: «Только не упоминайте... У меня — дети... Я работы лишусь».

Просили все. Без исключения. Депутаты ингушского парламента, члены ингушского правительства, brave военные, адвокаты, учителя, журналисты, порассказавшие, как в минуту (это не преувеличение!) сегодня уволь-

няют в Ингушетии коллег только за случайное появление в кадре рядом с кандидатом в президенты, который не Зязиков.

- Но кто? Увольняет?

- Петр Земцов.

Публично изнасилованная судебная власть Ингушетии — конечно, самая циничная из спецопераций по «назначению Зязикова президентом Ингушетии», как точно выразился один из собеседников. Но не единственная. Другую спецоперацию тут произвели над свободой слова, также конституционно гарантированной. Накануне предвыборной гонки «Москва поменяла», как тут говорят, председателя гостелерадиокомпании «Ингушетия» — на этого самого увольняющего Земцова, спущенного из Москвы для выполнения выборного госпецзаказа.

И Земцов не дремлет. Им запрещен, к примеру, даже перегон видеоматериалов о других, кроме Зязикова, кандидатах — из Назрани куда-либо. И надо ехать в Северную Осетию, во Владикавказ, чтобы, к примеру, в новостях НТВ появился сюжет, в котором идет речь о ком-то, кроме Зязикова. А ехать во Владикавказ и возвращаться в темноту — это не так просто, как может показаться: двигаться предстоит по весьма пустынным дорогам того района, где целыми днями шныряет сегодня кортеж так называемого «Главного федерального инспектора Южного федерального округа» по фамилии Ке-лигов. Кортеж, а попросту наемная банда, как раз и поджидает на большой дороге неподконтрольных, пока еще не сломленных людей, устрашает и журналистов, в том числе.

Муса Келигов, для информации, — не какой-нибудь Махно-2002, не Хаттаб со товарищи, а главный агитатор за Зязикова, лицо официальное, человек, олицетворяющий власть президента Путина, о чем везде и кричит, опираясь на автомат Калашникова. Он — коллега кандидата Зязикова по работе в ЮФО, сподвижник и заместитель самого полпреда генерала Казанцева. Кроме того, Келигов — господин родом из Малгобека, бывший вице-президент «Лукойла», — в данный момент совмещает

госслужбу с активным и жестким прибиранием к своим личным рукам государственного нефтяного концерна («Ингушнефтегазпром»), головной офис которого находится как раз в Малгобеке, по месту расположения основных ингушских нефтескважин.

Результат? Нешуточный, между прочим. Всеобщий страх.

Депутатский десант

20 апреля в Ингушетию прилетела делегация из двадцати депутатов Госдумы, представителей разных фракций — посмотреть, что к чему. Думцы разбились на группы и разъехались по республике. По четырем маршрутам — на встречи с людьми. Так вот, в Малгобеке, райцентре, стремительно становящемся «келиговской» вотчиной, депутатов просто не пустили в районный дом культуры, где должна была состояться их встреча с мал-гобекцами. Причина проста — у Келигова не было уверенности, что депутаты будут агитировать за Зязикова, и распоряжением Мухажира Евлоева, начальника райотдела милиции, зятя этого самого Келигова, человека, запугивающего народ тем, что, если Зязиков не победит, «мы вам устроим», — встреча депутатов с людьми была запрещена...

Впрочем, депутаты, попавшие в столь непростой сегодня Малгобек, не растерялись — а это были эспэсов-цы Вера Лекарева, Андрей Вульф, Владимир Семенов, Владимир Коптев-Дворников, Александр Баранников — и прямо под проливным дождем поговорили с несколькими сотнями собравшихся людей.

— Мы бы могли, конечно, войти в дом культуры, устроив скандал, например, — рассказывает Вера Лекарева. — Но мы чувствовали: в воздухе пахнет провокацией. На это и расчет, что сдадут нервы... Вокруг бродили какие-то странные люди с нехорошими лицами. И мы решили просто всех успокоить... Честно говоря, я бы лично никогда не проголосовала за депутата, которого так навязывают.

О том же своем ощущении — вот-вот что-то должно случиться как результат действий федерального чиновничества, поставившего республику на дыбы, — говорит сегодня в Ингушетии большинство. «Что-то» люди определяют так: провокация, управляемый взрыв негодования, резня, чуть крови пустят — и уже не остановить...

И вот, 19 апреля — очень плохой сигнал. Из Москвы, из МВД, прямо в подтверждение страхов, заполонивших Ингушетию, — секретная служебная спецтелеграмма. Вот она — беспрецедентная для прифронтовой полосы вообще, а для прифронтовой полосы, оказавшейся в нынешней конкретной ситуации, — тем более: «Назрань МВД Погорову Командируйте МВД России служебным вопросам сроком 10 суток полковника милиции Тамасханова ИА полковника вн/сл Ильясова М-С Э полковника милиции Гиреева ИХ полковника милиции Яры-жева ИС прибытие 22 апреля с.г. Грызлов».

В переводе со служебного на нормальный это надо читать следующим образом: четырех заместителей республиканского министра внутренних дел (Ахмеда Погорова) от имени министра БД России Бориса Грызлова отзывают в Москву как раз на самые сложные для Ингушетии 10 дней: последнюю неделю перед вторым туром, дни голосования и подсчета.

Такого никогда еще не случалось. Наоборот — для поддержания порядка, причем в любом регионе, всю милицейскую «верхушку» на выборы отзывали из отпусков, просили выйти с больничных... Ингушетию готовят к войне?

В маленькой республике, где все про всех знают, включая перечисленных полковников, — знают в том числе и то, за кого они могут повернуть подчиненных себе людей, спецтелеграмму восприняли обреченно: значит, все подтверждается, эти несколько сотен понаехавших отовсюду фээсбэшников, колесящих сегодня по ингушским дорогам почему-то в одинаковых «Тавриях», что-нибудь устроят, благо столько отчаявшихся беженцев. В МВД же остается

только языковец Погоров, беспорядки будут спровоцированы, и Погоров «с беспорядками не справится»...

Зачем? Никто не сомневается: когда совсем не осталось шансов для победы генерала ФСБ, это нужно, чтобы официально провозгласить «невозможность проведения выборов» и необходимость «назначения» главы республики. Так и завершится спецоперация по возведению Зязикова на ингушский престол. Именно то, о чем уже два месяца назад открыто говорили людям чиновники ЮФО: «Что бы вы ни делали, будет Зязиков. Так решила Москва. Вариантов нет. Не изберете — все равно назначат».

Зязиков и языковщина

Однако кто же он, этот человек, которым уже пугают ингушских детей? Как сообщил Алексей Любимой, его главный представитель: «Я запрещаю ему общаться с прессой».

Что ж, позиция. При которой ничего не остается, как поглядеть на окружение. Стан языковских активистов-агитаторов состоит из двух частей.

Во-первых, вышеупомянутые сотрудники ФСБ, прикомандированные в Ингушетию на предвыборное время из многих российских регионов, которые, не слишком скрываясь, в разговорах с людьми почему-то приравнивают «поражение Зязикова к плевку в сторону всей российской контрразведки».

Во-вторых, обиженные и несостоявшиеся при аушевском президентстве ингуши, большая часть которых давно и постоянно живет в Москве, поскольку в свое время не сработалась с Аушевым. Они заседают в главном предвыборном штабе Зязикова в Назрани на улице Осканова. Спрашиваю начальника штаба Салмана Наурбекова и заместителя начальника Харона Дзейтова:

- Чем хорош ваш кандидат? Расскажите.
- Главное, в отличие от всех, он — кристально чистый человек.
- Почему вы так считаете? Докажите.
- Потому что он — из кристально чистой службы. Извините, но все хорошо в меру...

...В мае Зязиков приведен к присяге. Через неделю в Ингушетию вошли войска. Через месяц началось насильственное перемещение беженцев в Чечню... Кремль хочет, чтобы война продолжалась. Значит, она и продолжается.